

Эволюция теории ядерного сдерживания в США в годы холодной войны

А. В. Фененко

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, 1

Для цитирования: Фененко А. В. Эволюция теории ядерного сдерживания в США в годы холодной войны // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2020. Т. 13. Вып. 1. С. 111–135. <https://doi.org/10.21638/spbu06.2020.108>

Статья посвящена становлению в США концептуальных основ политики ядерного сдерживания. Автор рассматривает эволюцию ядерной стратегии США на протяжении всего периода холодной войны (1946–1989). Американские эксперты в области ядерного сдерживания исходили из того, что угроза противнику должна быть реалистичной. Оппонента должна сдерживать не только сама угроза, но и тот факт, что он в нее верит. Это лежало в основе эволюции ядерных доктрин США. Автор доказывает три положения. Первое: концепция ядерного сдерживания — продукт американской стратегической культуры. (Другие ядерные державы заимствовали отдельные элементы американской ядерной стратегии, приспосабливая их к своим стратегическим культурам.) Второе: основы теории ядерного сдерживания были разработаны и апробированы в США во второй половине XX в. Третье: идеи времен холодной войны по-прежнему влияют на развитие американской ядерной стратегии, что позволяет прогнозировать основные его направления. Автор доказывает, что американская концепция ядерного сдерживания, несмотря на агрессивную риторику, носила преимущественно оборонительный характер. К концу 1980-х годов стал понятен кризис концепции оборонительного сдерживания. Это предопределило поворот американской стратегии к разработке концепции наступательного сдерживания.

Ключевые слова: ядерное оружие, ядерное сдерживание, противоракетная оборона, США, СССР, холодная война, воздушная мощь, стратегический паритет, война.

В современном мире концепция ядерного сдерживания (nuclear deterrence) выступает основой взаимодействия между ведущими ядерными державами — Россией и США [1–3]. В самом общем смысле под ядерным сдерживанием следует понимать угрозу нанесения ядерного удара по оппоненту с целью предотвратить совершение каких-либо действий с его стороны или, напротив, принудить его к совершению действий, которые он не хотел бы совершать [4]. Компоненты политики ядерного сдерживания присутствуют в военных доктринах как ядерных держав «второго плана» (Британия, Франция и КНР), так и нелегальных ядерных держав (Индия, Пакистан, Израиль, КНДР). (Притом что на официальном уровне эти страны не всегда используют термин «ядерное сдерживание».)

Вместе с тем вклад ядерных держав в развитие теории ядерного сдерживания неравномерен. Основы этой теории были разработаны и апробированы в США во

второй половине XX в. Другие ядерные державы заимствовали отдельные элементы американской ядерной стратегии, приспособивая их (удачно или неудачно) к своим стратегическим культурам. В связи с этим изучение теории ядерного сдерживания должно опираться прежде всего на изучение ядерной политики США времен холодной войны. Разработанный в то время «пул идей» по-прежнему предопределяет развитие американской ядерной стратегии, что позволяет прогнозировать основные направления ее развития [5]. Эта проблема становится особенно актуальной во второй половине 2010-х годов, когда в Соединенных Штатах началась новая волна дискуссий о необходимости трансформации концепции сдерживания. (В том числе в контексте предполагаемого выхода США из Договора о сокращении ракет средней и меньшей дальности 1987 г.) Поэтому цель данной статьи — рассмотреть эволюцию американской теории ядерного сдерживания времен холодной войны, выделить основные компоненты в ее структуре и на этой основе показать, какие направления этой теории развиваются в современном мире. Автор фокусирует внимание именно на эволюции теории ядерного сдерживания, ни в коей мере не предлагая в настоящей работе собственного взгляда на данную теорию.

1

В английском языке понятие «сдерживание» обозначается двумя разными словами: *containment* (удерживание оппонента в определенных территориальных границах) и *deterrence* (воздействие посредством угрозы нанесения превентивного удара). В этом смысле русское понятие «сдерживание» выступает как обобщенный образ *containment* и *deterrence* и является продуктом англосаксонской стратегической культуры. В отличие от европейцев, американские и британские стратеги разводят понятия «безопасность» (*security*) и «оборона» (*defense*). Под безопасностью понимается не отсутствие непосредственной угрозы, а меры по предотвращению ее возникновения. Под обороной — ситуация, когда комплекс таких мер оказался неэффективным и возникла прямая военная угроза американской либо британской территории. В первом случае используется категория *danger* как потенциальная угроза. Во втором — понятие *threat* как непосредственная военная опасность. Такой подход к пониманию безопасности резко отличается от европейской континентальной традиции (включая российскую), которая рассматривает безопасность как неугрожаемое состояние.

Оксфордский словарь определяет термин сдерживание как «применение силы для управления действием оппонента» [6]. Такое определение предполагает принцип добровольности субъекта, на которого направлено сдерживание. Военная стратегия определяется этим же словарем как «использование силы одним игроком (актером) для навязывания своей воли другому». Отсюда следует, что понятия «сдерживание» и «стратегия» в этом смысле практически тождественны друг другу. Британский эксперт М. Говард определял военную стратегию как «организованное (системное) сдерживание» [7, с. 85]. Однако принцип добровольности является центральным в случае со сдерживанием и основным элементом, отличающим сдерживание от других видов стратегии. Если мы предполагаем, что действия оппонента добровольны, тогда естественно, что их никто не контролирует. Строго говоря, сдерживание можно определить как некий набор сил и средств, имеющий, с одной

стороны, «согласие», а с другой — «контроль» (принуждение), который отражает отношение одной стороны к степени восприятия требований другой стороной и исходя из этого отношения игрок принимает для себя решение об использовании силы для навязывания своей воли.

Предпосылки для появления концепции сдерживания были заложены еще в начале XIX в. В 1814 г. экс-президент США Томас Джефферсон писал: «Нашим интересам не может отвечать сведение всей Европы в единую монархию... Если бы он [Наполеон] вновь продвинулся к Москве, я бы вновь желал ему такого поражения, которое помешало бы ему достигнуть Петербурга. Даже если бы следствием этого стало затягивание нашей войны [с Великобританией], я скорее согласился бы на это, нежели на то, чтобы вся мощь Европы сосредоточилась в одних руках» [8, с.80–81]. Взгляды Т.Джефферсона (по сути, кальку британской политики на европейском континенте) разделяли президент Джемс Медисон и будущий госсекретарь Джон Куинси Адамс. Отсюда следовали две внешнеполитические задачи США: (1) вычленив противника в Евразии, способного в перспективе быть опасным для Соединенных Штатов; (2) предпринять комплекс мер по превентивному разукрупнению его ресурсов.

В конце XIX в. американская стратегическая мысль обогатилась двумя новыми работами [9]. Обе они были сделаны в рамках концепции «морской мощи» (sea power), разработанной адмиралом Альфредом Мехэном. Первая предусматривала необходимость приобретения Соединенными Штатами стратегических баз для возможности проецирования военной мощи в Евразию. Вторая постулировала возможность США вступать в военно-политические союзы с прибрежными странами Евразии для создания контрбаланса ведущим державам Евразийского континента. Эти положения предвосхитили появление в будущем основных инструментов политики сдерживания: (1) предоставление США гарантий безопасности своим союзникам; (2) получение США от союзников прав на размещение своих морских и военно-воздушных баз.

В классической форме теория containment была сформулирована временным поверенным США в СССР Джорджем Кеннаном. 22 февраля 1946 г. он направил в Вашингтон так называемую «Длинную телеграмму» (телеграмма № 511) [10] как ответ на запрос министерства торговли от NQ 284 от 13 февраля 1946 г. В ней Дж. Кеннан обосновал вывод об органическом экспансионизме, якобы присущем советскому руководству. Этот экспансионизм, по мнению американского дипломата, побуждает и при любых обстоятельствах будет побуждать Кремль к ведению внешней экспансии, распространению сферы своего влияния на все новые районы мира. Соответственно, адекватным ответом на подобные устремления СССР Дж. Кеннан считал его удержание границ влияния, отведенных ему на Ялтинской конференции 1945 г.

В отношении концепции сдерживания существует терминологическая коллизия. Дж. Кеннан говорил прежде всего о сдерживании коммунизма, а не Советского Союза. Основных целей советское руководство стремилось, по его мнению, добиться не прямой военной экспансией, а распространением идеологии. Приоритетной задачей в противодействии СССР Дж. Кеннан считал противостояние коммунистической идеологии и коммунистическим партиям. Инструментами достижения этой цели (удерживания коммунизма) должны были стать (1) экономическая по-

мощь США своим союзникам, (2) предоставление американских гарантий безопасности союзникам и (3) проведение США в случае необходимости серии силовых демонстраций.

Вместе с тем Дж. Кеннан пошел дальше политического анализа. Он сформулировал три базовых компонента, на которые опирались все последующие модификации концепции сдерживания:

- нежелание советского руководства начинать новую большую войну (субъекта, который хочет войны, сдержать невозможно по определению, как Германию 1930-х годов);
- согласие СССР играть по рациональным правилам («...советская власть, — писал Дж. Кеннан, — может легко ретироваться — что она обычно и делает — в любой момент, когда встречает сильное сопротивление»);
- превосходство ресурсов коллективного «Запада» (Соединенных Штатов и стран Западной Европы) над ресурсами СССР, что исключает возможность симметричного ответа США со стороны Кремля.

Дж. Кеннан постулировал принцип: сдерживание может сыграть свою роль только в отношении более слабого субъекта, который рационален и не хочет войны. Политика сдерживания (to contain) была объявлена возможной только в отношении системного, а не внесистемного субъекта [11].

В течение следующих полутора лет идеи Дж. Кеннана стали официальной внешнеполитической доктриной Соединенных Штатов. По распоряжению министра обороны Дж. Форрестола копии «Длинной телеграммы» были направлены членам кабинета министров и высшим военачальникам. Государственный департамент США разослал текст во все посольства США. В январе 1947 г. «Длинная телеграмма» была опубликована в журнале «Foreign Affairs» под название «Истоки советского поведения», а ее автор был обозначен псевдонимом «X». (В 1946 г. Дж. Кеннан занял пост директора Департамента политического планирования при Госдепартаменте США.) В апреле 1947 г. концепция «сдерживания коммунизма» (containment) была официально принята администрацией Гарри Трумена (1945–1952).

По мере обострения отношений с СССР стратегия containment становилась более наступательной. В 1948 г. документ NSC 20/18 определил долгосрочные цели Соединенных Штатов в отношении СССР как сокращение сферы советского влияния и ослабление советского силового потенциала (в идеале — его демонтаж по образцу Германии и Японии после Второй мировой войны) [12, с. 175–210]. В апреле 1950 г. под руководством Пола Нитце, сменившего Джорджа Кеннана на посту руководителя Управления политического планирования при Госдепартаменте США, была разработана «Директива СНБ-68» [12, с. 378–452]. В отношениях с СССР документ вводил принцип «игры с нулевой суммой» (zero sum game): выигрыш одной стороны автоматически означал проигрыш другой. Отсюда следовала тактика «зеркального реагирования»: Вашингтон должен рассматривать любой шаг Москвы как направленный против американских интересов и считать необходимым симметрично отвечать на него принятием собственных контршагов. Документ провозглашал переход к «рисковой политике» (risk-taking policy), предполагающей большую вовлеченность США в региональные конфликты и наращивание обычных (конвенциональных) вооружений.

Но в начале 1950-х годов американские эксперты пришли к выводу о неэффективности стратегии containment. Китайская революция 1949 г. была воспринята и администрацией Г. Трумэна, и ее критиками-республиканцами как провал кеннановской стратегии «удерживания коммунизма в рамках определенной сферы влияния». Корейская война (1950–1953) означала провал кеннановской концепции «удерживать коммунизм» в рамках определенных территорий. Этот вывод побудил республиканцев обратиться к другому варианту сдерживания — «устрашению» (deterrence).

Теоретиком нового подхода стал будущий госсекретарь США в администрации Д. Эйзенхауэра (1953–1960) Джон Фостер Даллес. Основные идеи новой концепции были сформулированы в его статье «Политика смелости», опубликованной в мае 1952 г. в журнале «Лайф» [13]. Идея Дж. Ф. Даллеса состояла в оказании на СССР и другие социалистические страны давления посредством угрозы применить массированный ядерный удар. На практике это означало возможность взять в заложники стратегический потенциал (города и ведущие промышленные объекты) оппонента, чтобы угрожать ему нанесением неприемлемого ущерба. Этот вывод предопределил поворот американской концепции сдерживания к теории «воздушной мощи», прежде всего — ее ядерному измерению.

2

К началу 1950-х годов в американской стратегической мысли существовало немало наработок о роли атомного оружия в будущем военном конфликте. Первоначально интерес к проблеме использования ядерного оружия (ЯО) проявляли физики: Нильс Бор, Роберт Оппенгеймер, Альберт Эйнштейн, Энрико Ферми. Еще в 1944–1945 гг. они говорили об опасности его использования. Военные эксперты стали размышлять о последствиях его применения после бомбардировки Хиросимы и Нагасаки в августе 1945 г. [14]. В следующем, 1946 г. коллектив экспертов Йельского университета (Б. Броди, Ф. Данн, А. Уолферс, П. Корбетт, У. Фокс) опубликовал сборник статей «Абсолютное оружие» [15]. В нем атомное оружие было названо «абсолютным оружием» (absolutely weapons), применение которого делает невозможным достижение политических целей в войне. (Как это предполагает классическая формула К. фон Клаузевица, согласно которой «война есть продолжение политики иными средствами».)

Противоположной позиции — атомное оружие — это просто более мощный боеприпас, который можно использовать в войне, — придерживался Уильям Борден, опубликовавший свою книгу в том же 1946 г. По его мнению, атомное оружие — это то, чего не хватило итальянскому теоретику Дж. Дуэ, чтобы его концепция «воздушной мощи» стала действительно работоспособной. У. Борден разработал концепцию «воздушной атомной войны» (war-fighting): поражение с помощью атомных боезарядов ключевых объектов инфраструктуры противника [7].

Построения У. Бордена хорошо вписывались в американскую теорию «воздушной войны», которая после 1945 г. стала приобретать облик «атомного блицкрига». Впервые после появления ЯО эта концепция была сформулирована в меморандуме генерал-майора Л. Норстэда, отвечавшего за планирование в штабе военно-воздушных сил (ВВС), направленном 15 сентября 1945 г. генерал-майору Л. Гровсу — руководителю Манхэттенского проекта [16]. В документе излагались

взгляды на применение ВВС с учетом нового оружия, содержались результаты расчетов потребности в атомных боеприпасах, и, главное — ВВС хотели знать, сколько бомб имеется у Л. Гровса (примечательно, что в своем письме две недели спустя он уклонился от ответа на этот вопрос). Базовые предпосылки стратегии в изложении Л. Норстэда выглядели так:

- (1) США должны быть готовы проводить наступательные операции против любой мировой державы или коалиции держав;
- (2) США должны иметь достаточное количество баз и сил авиации для нанесения удара в «стратегическое сердце» (strategic heart) любого потенциального противника;
- (3) основной задачей стратегической авиации США с началом боевых действий является немедленное подавление воли и способности противника к сопротивлению.

Исходя из этого требования — способности нанести немедленный удар, лишая противника возможности сопротивляться, американские ВВС производили расчеты потребности в атомных боеприпасах. В меморандуме Норстэда содержалось важное уточнение — ВВС не считают необходимым оценивать потребности для ведения затяжной войны на истощение (prolonged war of attrition).

Основой теории «атомного блицкрига» стала концепция «дешевой победы» (cheervictory strategy). Американский политолог П. Морган возводит ее к прусской военной стратегии 1860-х годов с ее ставкой на «блицкриг». Однако на новом историческом этапе ее возродили британские военные эксперты на рубеже 1945–1946 гг. Британские аналитики того времени предполагали, что достаточно будет нескольких сот атомных боезарядов для того, чтобы добиться падения СССР. (Примечательно, что сама Великобритания в то время еще не обладала атомным оружием — речь шла только о перспективных разработках на будущее.) Такой вывод основывался на двух эффектах от применения атомного оружия: способности уничтожить большое количество гражданского населения и инфраструктуры противника при меньших финансовых затратах, по сравнению с обычными бомбардировками в годы Второй мировой войны — по формуле «стоимость — эффективность». Центральным элементом такой стратегии являлся внезапный удар и боевые действия против не успевшего мобилизоваться противника [17].

Особую роль в становлении концепции ядерного сдерживания сыграла «теория игр» (games theory) [18]. Речь идет о математических схемах, применяемых для анализа конфликта. Ее основы заложили в 1943–1944 гг. американские эксперты Джон фон Нейман и Оскар Моргенштерн. В 1950-х годах появилась серия работ по ядерной политике [4; 19]. Эксперты «РЭНД-корпорэйшн» и Стэнфордского университета (США) доказали, что эффективность ядерного сдерживания (в варианте устрашения) определяется тремя параметрами:

- совокупной мощностью ядерных боеприпасов, достаточной для нанесения противнику неприемлемого ущерба;
- совокупной степенью выживаемости средств ответного удара по отношению к средствам удара противоположной стороны;
- совокупной живучей силой средств ответного удара по отношению к средствам противовоздушной обороны (ПВО) противника.

«Теория игр» при этом строилась на представлении о рационализме игроков. Он означал, что обе стороны руководствуются математически выверенным балансом «издержек — выгод» и не имеют у власти иррационально мыслящих фанатиков (последнее по сути было расширенным выводом Дж. Кеннана). Вот почему развитие «теории игр» прошло фактически в два этапа. До середины 1950-х годов преобладали расчеты, какой гипотетический ущерб советская элита сочтет приемлемой (или неприемлемой) платой для совершения агрессии против союзников США. Примерно с 1954 г. на первый план стало выходить построение «РЭНД-Корпорейшн» моделей поведения советской элиты перед лицом угрозы применения США ядерного оружия.

Осуществить задачи «воздушного блицкрига» на основе атомного оружия 1940-х годов было сложно. Расчеты конца 1940-х доказали, что оно обладало ограниченной мощностью и доставлялось к цели только авиационными носителями. Опыт Корейской войны (1950–1953) показал между тем, что авиационная мощь может быть блокирована системами противовоздушной обороны (ПВО) и истребительной авиацией [20]. Ситуация изменилась после создания в 1952–1953 гг. термоядерного оружия. Обладая мегатонной мощностью и плавильным эффектом, оно могло поражать стратегические объекты и доставляться к цели с помощью как авиационных, так и ракетных средств. У сверхдержав стала появляться техническая возможность гарантированно уничтожить стратегический потенциал оппонента [6].

На этой основе администрация Дуайта Эйзенхауэра (1953–1960) разработала концепцию ядерного сдерживания. Первым ее компонентом стала доктрина «массированного возмездия» (massive retaliation). В документе СНБ 162/2 (октябрь 1953 г.) были названы приоритеты ядерной политики США: накопление ЯО и развитие средств его доставки на межконтинентальную дальность [21]. 12 января 1954 г. госсекретарь Джон Ф. Даллес заявил о готовности в случае ограниченного нападения на США применить всю мощь ядерного потенциала для возмездия. Технической основой «массированного возмездия» стал принятый в 1960 г. Единый комплексный оперативный план (Strategic Integrating Operation Plan — SIOP), предусматривавший использование 3400 стратегических ядерных боезарядов для нанесения массированного ядерного удара.

Другим компонентом стратегии ядерного сдерживания стала доктрина «нового взгляда» (new look)¹. Ее теоретические основы были разработаны британскими военными стратегами в 1945–1946 гг. Именно они впервые выдвинули лозунг замены крупных сухопутных вооруженных сил ядерным оружием ограниченной мощности и радиуса действия. Эта концепция постепенно была воспринята президентом Д. Эйзенхауэром в ходе его консультаций с премьер-министром Великобритании У. Черчиллем. В докладе СНБ от 8 августа 1953 г. утверждалось, что ядерная составляющая вооруженных США обходится бюджету дешевле, чем содержание обычных вооруженных сил. Отсюда следовал вывод, что Вашингтону нет

¹ Этот термин употребил 14 декабря 1953 г. председатель ОКНШ адмирал А. Рэдфорд в своем выступлении в Национальном клубе печати в Вашингтоне, характеризуя первый проект военного бюджета, подготовленного новой администрацией (на 1955 финансовый год). Поскольку это было выступление перед представителями прессы, для оценки изменений в подходах к военному строительству адмирал использовал жаргон, связанный с новым стилем женской одежды «New Look», предложенным Кристианом Диором в 1947 г.

необходимости добиваться паритета с СССР по конвенциональным вооружениям. Документ NSC 5440 (декабрь 1954 г.) возлагал задачи сдерживания советской группировки в Центральной Европе на тактическое ядерное оружие (ТЯО). В декабре 1957 г. Совет НАТО санкционировал размещение американского ТЯО в Европе.

Для обеспечения действия обеих концепций («массированного возмездия» и «нового взгляда») администрация Д. Эйзенхауэра разделила понятия «стратегическое» и «тактическое» ядерное оружие. Первое из них было отнесено к категории «политики безопасности»: оно стало материально-техническим инструментом для реализации комплекса мер по предотвращению агрессии посредством устрашения. Второе — к категории обороны: американские стратегические концепции видели в ТЯО инструмент для ведения военных действий на передовой в случае начала конфликта. Первое включает в себя межконтинентальные баллистические ракеты, баллистические ракеты на подводных лодках и тяжелые стратегические бомбардировщики и применяется лишь в том случае, если президент и правительство приняли политическое решение. Второе — авиабомбы фронтовой авиации, оперативно-тактические ракеты и так называемая ядерная артиллерия — находится в непосредственном подчинении военных. В обоих случаях безопасность рассматривалась как система превентивных мер, а оборона — как отражение агрессии, т. е. как быстрая деэскалация конфликта.

Такой вариант ядерного сдерживания носил, несмотря на агрессивную риторику, оборонительный характер. Задачей стратегического ЯО (СЯО) было убедить оппонента отказаться от совершения агрессии угрозой нанесения неприемлемого ущерба, задачей ТЯО стало убеждение оппонента в готовности отразить его наступление конвенциональными силами использованием небольшого числа тактических боезарядов. В этом случае противник, обладавший даже большой конвенциональной мощью, лишался бы реализуемого превосходства.

3

Вторая волна дискуссий о специфике ядерного сдерживания пришла на конец 1950-х годов. После создания СССР средств доставки ЯО к территории США американские эксперты были обеспокоены новой стратегической ситуацией. Речь шла не столько об опасности нападения СССР: в конце 1950-х годов Соединенные Штаты сохраняли превосходство по количеству стратегических бомбардировщиков и ядерных боезарядов. Но американские эксперты были обеспокоены, насколько надежными становятся гарантии безопасности, данные США союзникам. Советский Союз мог, по их мнению, ставить США перед выбором между тотальной ядерной войной и локальным отступлением, зная, что американские политики предпочтут второй вариант.

Преодоление стратегического кризиса американские эксперты видели в повышении надежности (по американской терминологии — кредитоспособности) системы ядерного сдерживания. Ее основным вариантом стала разработка концепции ограниченного применения ЯО. Пионерами в этом направлении были британские стратеги. В Великобритании в середине 1940-х годов прорабатывались две схемы возможного применения атомного оружия: 1) замена атомным оружием крупных сухопутных подразделений и 2) отражение с помощью ЯО наступления превос-

ходящих сухопутных сил противника [22]. В середине 1950-х годов португальский генерал Ф. Микше попытался смоделировать ход военных действий в кампании 1940 г., предположив, что и Германия, и западные союзники обладали на тот момент ЯО. По сценарию Ф. Микше франко-британские силы остановили бы наступление вермахата, а затем обменялись стратегическими ядерными ударами по городам.

На этой основе эксперт Гудзоновского института Герман Кан разработал в конце 1950-х годов теорию эскалации (escalation theory) [23]. Выделив семнадцать этапов в развитии конфликтов, он предположил, на каких стадиях может быть применено сначала тактическое, а затем стратегическое ЯО. Теория ядерного сдерживания дополнилась новыми понятиями:

- максимальная степень эскалации конфликта (assumption of a very severe conflict);
- рационализм политико-военных игроков (the assumption of rationality);
- соразмерность угрозы стратегической ситуации (concept of a retaliatory threat);
- определение понятия «неприемлемый ущерб» (concept of unacceptable damage);
- проблема реалистичности угроз (notion of credibility);
- стабилизирующий эффект сдерживания (notion of deterrence stability).

Ключевым изобретением Г. Кана стало понятие «ядерный порог» (nuclear threshold). В его концепции это понятие означало гипотетический промежуток времени, проходящий между началом военного конфликта и моментом первого применения ЯО. Соответственно, данный порог может быть низким (если ЯО применяется сразу или почти сразу) или высоким (если ему предшествует длительный временной интервал с использованием обычных вооружений). Г. Кан уделял особое значение психологическому моменту перехода через «ядерный порог». Позднее американские исследователи А. Джордж и Р. Смоук ставили вопрос о том, означает ли переход через «ядерный порог» снятие любых моральных ограничений и выбор целей [24].

Разработки Г. Кана дали толчок появлению теории ограниченной ядерной войны. В 1957 г. будущий госсекретарь США Генри Киссинджер предположил [25], что война с неограниченным использованием ЯО приведет к одинаково проигрышному результату для победителей и побежденных. Выходом из стратегического тупика могло быть, по мнению Г. Киссинджера, ограниченное использование ЯО для поражения выборочных целей. Идеи Киссинджера развили американские исследователи Роберт Осгуд [26] и Томас Шеллинг. Нанесение ядерных ударов по ограниченными целям могло, по их мнению, выступать эффективным дополнением к дипломатическому воздействию на оппонента.

Теоретики «ограниченной ядерной войны» обращались к стратегическому наследию XVIII в. Г. Киссинджер призывал обратить внимание на две особенности войн французского короля Людовика XIV (1643–1715): (1) ограниченное применение силы для выполнения определенной политической задачи; (2) стремление максимально не затрагивать гражданское население военными действиями. Р. Осгуд полагал, что «войны за наследство» XVIII в. выступали способом принудить противника к продолжению переговоров на определенных условиях. На отсылке к ограниченными кампаниям XVIII в. строилась и концепция эскалации Г. Кана. Предло-

женные им понятия «эскалационный контроль» (escalation control) и «эскалационное доминирование» (escalation predominance) означали, что условный противник Соединенных Штатов пойдет на переговоры, увидев демонстрацию американского превосходства, а не превратит локальное столкновение в тотальную войну.

В дополнение к концепции ограниченной ядерной войны американские эксперты стали развивать концепции стратегического воздействия (strategic coercion) и дипломатии принуждения (coercive diplomacy). Первая, разработанная Т.Шеллингом, означала целенаправленное использование угроз для того, чтобы повлиять на стратегический выбор другой стороны. Вторая, предложенная американским экспертом А.Джорджем, представляет собой политику убеждения, подкрепление своих требований угрозой наказания за неподчинение. Основная задача такой дипломатии — внедрить понимание угрозы в расчеты противника и вынудить его согласиться с требованиями. Успех такого внедрения зависит от серьезности предъявляемого требования, решимости оппонента и того, насколько оппонент для себя оценивает правдоподобность декларируемой угрозы.

На базе кановской концепции эскалации администрация Джона Кеннеди (1961–1963) разработала концепцию гибкого реагирования (flexible response). Ее автором принято считать министра обороны США Роберта Макнамару (1961–1968), который попытался придать практический характер разработкам Г.Кана. В ее основе лежал принцип соразмерности военного ответа США характеру угрозы. Концепция гибкого реагирования ориентировалась на высокий ядерный порог, предполагая, что первоначально конфликт можно вести основываясь на обычных вооружениях и только затем дозированно вводить в действие сначала тактическое, а затем стратегическое ядерное оружие. Поэтому концепция гибкого реагирования предусматривала три варианта действий США на случай гипотетического ядерного конфликта:

- (1) прямая защита (direct defence): сдерживание советского наступления исключительно с помощью обычных вооружений;
- (2) запланированная эскалация (deliberate escalation): применение ТЯО в случае, если конвенциональные силы НАТО не в состоянии остановить советское наступление;
- (3) генеральный ядерный ответ (general nuclear response): нанесение тотального ядерного удара сначала по военным, а затем по гражданским объектам СССР в случае, если применение ТЯО не привело к деэскалации конфликта.

В рамках концепции гибкого реагирования стратегические ядерные силы (СЯС) США были переориентированы на нанесение разоружающих ударов по пусковым установкам, а не городам противника (концепция контрсилы — counterforce strategy). Следующей целью для нанесения ограниченных ударов были объекты промышленности и инфраструктуры, непосредственно связанные с ведением войны (нефтяные предприятия, транспортные пути, железнодорожные узлы, системы связи). Другие объекты (угольные производства, электростанции), а также города, можно было не разрушать. Это гипотетически позволяло сделать войну ограниченной, давая противнику шанс осознать положение и пойти на примирение после первого обмена ударами.

Доктринальным обеспечением такого подхода стала разработанная аппаратом Р. Макнамары концепция многовариативных ядерных ударов. По выбору времени нанесения удар мог быть первым (preemptive strike), упреждающим (preventive strike), ответно-встречным (launch of waring) и ответным (launch on impact). По характеру целей ядерные удары подразделялись на демонстрационные (demonstrative), выборочные (different), частичные (partial) и полные (total). По характеру целей ядерный удар мог быть контрцеленностным (по городам), контрсиловым (по военным объектам) и комбинированным (по комбинации перечисленных целей). Контрсиловой удар, в свою очередь, подразделялся на три варианта:

- поражение ключевых военных объектов противника, прежде всего СЯС;
- поражение военных объектов противника в прифронтовой полосе;
- поражение вооруженных сил противника на одном или нескольких театрах военных действий, не затрагивая при этом его территорию.

Технически переход к такой стратегии требовал решения двух задач. Первый: расширение класса носителей ЯО для поражения как можно большего количества разнообразных целей. Это привело к созданию так называемой стратегической триады: межконтинентальные баллистические ракеты (МБР), баллистические ракеты на подводных лодках (БРПЛ) и тяжелые бомбардировщики (ТБ). Вторая: увеличение количества ядерных боезарядов и их носителей с целью обеспечить их выживаемость и поразить как можно больше целей противоположной стороны. Возник парадокс контрсиловой стратегии, выведенный позднее отечественным ученым С. М. Роговым: увеличение количества целей требует увеличения числа ядерных боезарядов и носителей, что, в свою очередь, вновь побуждает противника увеличить количество ядерных боезарядов и носителей, способных пережить первый контрсиловой удар [27]. Эта логика лежала в основе обострившейся в 1960-х годах гонки ядерных вооружений.

Концепция гибкого реагирования была призвана усилить оборонительный потенциал ядерного сдерживания. Ее предназначением было убеждение противника в действительности (кредитоспособности) ядерной угрозы. Американские эксперты сомневались в готовности советских лидеров поверить в угрозу США нанести тотальный ядерный удар. «Гибкое реагирование» доказывало, что у СССР нет реализуемого превосходства даже в региональном конфликте. Советское руководство, по мнению Р. Макнамары, никогда не могло быть уверено в том, какую стратегию возмездия выберут Соединенные Штаты. Это позволяло более эффективно, чем в конце 1950-х годов, убеждать СССР в невозможности изменить в свою пользу статус-кво в Европе и Восточной Азии.

Вместе с тем концепция гибкого реагирования не могла гарантировать, что противник будет играть по правилам «контролируемой» эскалации, а не пойдет на комплекс ответных и непрогнозируемых мер — например, превратив эскалацию в неконтролируемую. В этом смысле «гибкое реагирование» в версии 1960-х годов не давало руководству Соединенных Штатов реализуемого превосходства над СССР.

Третья волна дискуссий по проблемам сдерживания пришлась на 1970-е годы. Кризис «гибкого реагирования» был вызван двумя причинами. Первая — достижение СССР ракетно-ядерного паритета с США. Это событие поставило под сомнение способность Вашингтона влиять на его политику и предоставлять реалистические гарантии безопасности своим союзникам. Возникла потребность разработать новую модель воздействия на руководство СССР, которая включала бы в себя реалистичные варианты действия на случай провала политики сдерживания (if deterrence failed).

Вторая причина — расширение спектра стратегических возможностей за счет создания военных спутников навигации и связи и средств нанесения контрсилового удара, разделяющихся головных частей индивидуального наведения (РГЧ ИН). В 1964 г. на вооружение американских стратегических ядерных сил стали поступать разделяющиеся головные части (Multiple Reentry Vehicles — MRV) — боезаряды рассеивающегося или кассетного типа, устанавливаемые на БРПЛ «Polaris A-3». В 1970 г. на смену им пришли более совершенные разделяющиеся головные части индивидуального наведения на цели (Multiple Independently Targetable Re-entry Vehicles), которыми стали оснащаться МБР «Minuteman-III» и БРПЛ «Poseidon». Это позволило США увеличить забрасываемый вес боезарядов и расширить диапазон поражаемых целей.

Администрация Р. Никсона (1969–1974) попыталась расширить варианты применения ЯО, взяв за основу доктрину ограниченной ядерной войны Г. Киссинджера (последний получил пост сначала помощника президента по национальной безопасности, а затем государственного секретаря в администрации Р. Никсона). В 1970–1971 гг. американское стратегическое планирование предусматривало нанесение различных вариантов ядерных ударов (по классификации Р. Макнамары) в трех ситуациях:

- 1) СССР наносит контрценностный удар по США, Соединенные Штаты отвечают контрценностным ударом по СССР;
- 2) США наносят первый контрсиловой удар по СССР; Советский Союз отвечает контрценностным ударом по Соединенным Штатам;
- 3) США наносят первый контрсиловой удар по СССР; Советский Союз отвечает контрценностным ударом по Соединенным Штатам; США отвечают контрценностным ударом по СССР.

Новацией американского ядерного планирования стало, таким образом, разделение СЯС на две категории. Первая: оперативно развернутые боезаряды (operational warheads), предназначенные для нанесения ядерного удара в заданное время. Вторая: резервные боезаряды (reserved warheads), предназначенные для решения задач после использования оперативно развернутых сил. Американские СЯС были переориентированы на ведение «гибких», или «многовариативных», сценариев ядерного конфликта [28]. Министерство обороны США, кроме того, разрабатывало различные варианты послевоенной роли США. Речь шла о том, какой ядерный потенциал останется у Соединенных Штатов после окончания ядерного конфликта для выстраивания отношений с другими ядерными державами.

Выходом из стратегического кризиса должна была стать предложенная в 1973–1974 гг. министром обороны США Джеймсом Шлессинджером доктрина обезглавливающего удара. Речь шла об угрозе поражения командных пунктов противника до принятия им решения о нанесении ответно-встречного удара. «Имея резервные силы для угрозы городским промышленным целям и имея наступательные системы, обладающие повышенной гибкостью и дискриминационностью в поражении цели, мы... сможем осуществлять варианты ответа, которые будут наносить меньший гражданский ущерб», — утверждал Дж. Шлессинджер на брифинге 17 августа 1973 г. «Доктрина Шлессинджера», закрепленная в документе NSDM 242 (18 января 1974 г. [29]), предусматривала гибкость использования ядерных сил в ответ на возможное нападение со стороны СССР. В документе постулировались четыре варианта ядерных ударов:

- 1) демонстрационный (*demonstrative strike*): поражение нескольких выборочных целей для демонстрации противнику готовности применять ЯО;
- 2) контрэллитный (*counterelite strike*): уничтожение военно-политического руководства страны до принятия им решения о нанесении ответно-встречного удара;
- 3) констрсиловой (*counter-force strike*): поражение пусковых установок противника;
- 4) контрценностный (*counter-city strike*): поражение городов противника, которое также могло осуществляться как в тотальном, так и в ограниченном варианте.

Идеи Джеймса Шлессинджера смещали акцент в осуществлении политики ядерного сдерживания со средств межконтинентальной дальности, во-первых, на ракеты средней и меньшей дальности (РСМД) с РГЧ ИН и, во-вторых, на разрабатываемые в те годы крылатые ракеты с системами лазерного, инфракрасного и телевизионного самонаведения. Обновленное понимание ядерного сдерживания было зафиксировано и в картеровской директиве PD № 59 (1980) [30], и в рейгановской NSDD No. 13 (1981) [31]

На этой основе «младшее поколение» экспертов по проблемам сдерживания — Карл Кайзен, Колин Грэй, Кит Пейн, Ричард Перлз, Патрик Морган [29] — разработало концепцию победоносной ядерной войны (*deterrence by war fighting*) и предложило несколько вариантов подобных конфликтов:

- конфликт на основе РСМД;
- конфликт с широким использованием противоракетных технологий;
- конфликт с использованием высокоточного оружия как в ядерном, так и в неядерном оснащении;
- конфликт, ведущийся на основе сил общего назначения без применения ЯО (аналогично тому, как в ходе Второй мировой войны стороны не использовали химическое оружие).

Эти варианты были суммированы в 1980 г. в работе австралийского исследователя Яна Кларка «Ограниченная ядерная война» [32]. Вслед за немецким стратегом Карлом фон Клаузевицем он рассматривал войну как продолжение политики и допускал возможность ограничения применения ЯО ради достижения политических

целей. Стороны, по мнению Я. Кларка, могли прийти к формальной или неформальной договоренности об ограничении характера (конвенция А) и масштабов конфликта (конвенция В) [32].

Более оригинальную точку зрения высказал американский эксперт Майкл МакГвайр [3], который детально прорабатывал вопрос о стоимости агрессии при ликвидации ЯО. В центре его анализа были инициативы Л. И. Брежнева 1977 г. об отказе от применения ЯО в ходе войны. На их основе М. МакГвайр сделал вывод: в случае ликвидации ядерного оружия СССР с высокой долей вероятности может начать большую неядерную войну за изгнание американцев из Евразии. В качестве примера он приводил опыт Второй мировой войны, когда обе стороны вели военные действия, не прибегая к химическому оружию, предпочитая капитуляцию и потерю суверенитета. (Как, например, Франция в 1940-м или Германия в 1945 г.). М. МакГвайр поставил, таким образом, важный вопрос о готовности политических элит пойти на применение ЯО («перейти через ядерный порог») в случае начала конфликта на основе обычных вооружений.

В 1985 г. американский исследователь Марк Трахтенберг утверждал, что с появлением РГЧ ИН ядерное сдерживание посредством угрозы уничтожения стратегического потенциала оппонента потеряло смысл. На смену ей пришел более гибкий и эффективный вариант: угрозы нанесения контрэлитного и контрсилового ударов. Но такой вариант упирался в теоретически неразрешимую проблему: готовность противника принять за основу поведения «стратегию эскалации» Г. Кана. Поскольку это было не гарантировано, ЯО начинало терять свой статус эффективного инструмента угрозы [33].

Совокупность идей об ограниченной ядерной войне попыталась направить в практическое русло администрация Р. Рейгана (1981–1988). (Особую роль в этом сыграли разработки американского эксперта Р. Перлза, который в 1980-х годах выступал консультантом министерства обороны США). В 1984 г. Белый дом официально объявил три варианта ведения военных действий в случае провала доктрины сдерживания: 1) затяжная война с применением как стратегического, так и тактического ЯО; 2) кратковременная война с применением стратегического и / или тактического ЯО; 3) конфликт на одном или нескольких ТВД с ограниченным использованием ТЯО.

Целью США был при этом не разгром СССР, а принуждение советского руководства к миру на американских условиях. Для достижения этих результатов администрация Р. Рейгана запустила разработанный в середине 1970-х годов комплекс военно-технических программ, призванных вернуть США превосходство в стратегической сфере:

- создание стратегических бомбардировщиков В-2 на основе технологии «Стеллс», обеспечивающих их малую уязвимость для ПВО противника;
- разработка МБР МХ «Peacekeeper», оснащенной РГЧ ИН;
- оснащение БРПЛ «Trident-2» боезарядами, способными поражать высокозащищенные цели;
- развитие противоракетных технологий космического базирования (программа Стратегической оборонной инициативы — СОИ).

Но в ходе дискуссий было признано, что ни у США, ни у СССР не было рациональных схем применения ЯО [34]. Нанесение ядерных ударов не гарантировало военной победы: необходимо было закрепить успех проведением наземных операций. Ни СССР, ни США не обладали техническими возможностями для оккупации территории друг друга. Применение же ЯО в деэскалационных целях ставило вопрос о готовности противоположной стороны принимать правила «контролируемой эскалации» Г. Кана. Поэтому после ввода советских войск в Афганистан (1979) большую популярность среди ряда американских экспертов приобрел тезис о том, что ЯО теряет сдерживающую роль.

Еще в начале 1960-х годов министр обороны Р. Макнамара ввел в обиход термин «потенциал гарантированного уничтожения», т. е. тот уровень ВС, который бы обеспечил нанесение неприемлемого ущерба противнику. Аналитики Пентагона определили уровень неприемлемого ущерба — треть населения страны и две трети промышленности. Такая оценка «неприемлемого ущерба» получила название «критерий Макнамары». Эта оценка стала своего рода точкой отсчета, от которой отталкивались и другие аналогичные критерии. Критерий Макнамары использовали при определении количественного и качественного состава стратегических сил США.

В 1970-е годы в США порог неприемлемого ущерба был снижен в два раза — до 20 Мт [35]. Снижение порога было связано с тем, что при расчетах начали учитывать также косвенный ущерб экономике. Стоит отметить, что подобные оценки неприемлемого ущерба существовали и до Р. Макнамары. Так, во времена президентства Г. Трумэна уничтожение противника виделось в доставке к цели 400 боеголовок в ядерном оснащении; американские исследования 1950-х годов допускали потери 40 % населения и 60 % промышленного потенциала, который должен был обеспечиваться доставкой 50 боеголовок, Г. Кан видел поражение противника в уничтожении 50–100 % населения. В 1980-е годы, по оценкам Стенфордского института, неприемлемый ущерб стране могли нанести 700–1300 ядерных боеприпасов малого класса мощности, что привело бы к потере трети промышленного потенциала США и снижения ВВП страны на 25–30 %. Кембриджский университет оценивал неприемлемый ущерб в 300–800 ядерных боеприпасов. Интересны в данном контексте и оценки специалистов Корпорации РЭНД. По их мнению, взрыв боеголовок суммарной мощностью 8,5 Мт приведет к полному коллапсу экономики США и уничтожению 65 % населения страны [2].

Параллельно в 1970-х годах скептики (Г. Кан, Т. Шеллинг, К. Уолтц) поставили вопрос о том, что даже ограниченное применение ЯО не даст США выигрываемого сценария войны. По их мнению, любая война между СССР и США была затруднена географическими причинами: предельной удаленностью сторон друг от друга, трудностью снабжения вооруженных сил в другом полушарии Земли и технической невозможностью оккупации таких огромных географических пространств. В этом смысле поражение друг у друга нескольких ключевых городов кардинально не меняло соотношения сил и не устраняло факторы, затруднявшие ведение войны друг против друга. Даже ограниченный обмен ядерными ударами не позволял капитализировать их результаты в политическую победу (если понимать под таковой приход на территорию противника солдата-победителя и установление там желанного политического порядка). *Нанесение неприемлемого ущерба могло (теоретиче-*

ски) выступать средством предотвращения агрессии, но оно не могло гарантировать победы в войне как определенного политического результата с приемлемыми издержками.

Сомнения дополнялись растущими тревогами относительно экологических последствий применения ЯО для человечества. В 1980-х годах ученые разработали концепцию ядерной зимы: глобальной экологической катастрофы, наступающей, если мощь ядерных взрывов превысит порог 100 мт. Ее региональным аналогом выступала ядерная осень: последствия ограниченного применения ЯО. Такая перспектива не имела ничего общего с классическим (по К. фон Клаузевицу) пониманием победы — ликвидировать оппонента как субъекта международных отношений или принудить его к невыгодному компромиссу. Эти расчеты снижали психологическую вероятность применения ЯО, что, в свою очередь, вело к падению сдерживающего эффекта ядерных арсеналов.

Дискуссии 1980-х годов показали снижение фактора сдерживающего потенциала СЯС. Появились проблемы 1) проработки реалистической альтернативы на случай провала политики сдерживания и 2) возвращения реалистичности стратегии превентивных ядерных угроз. Сама проработка концепции выигрываемого ядерного конфликта означала, что потенциал оборонительного сдерживания близок к исчерпанию. На смену ему должна была прийти обновленная концепция ядерного сдерживания.

5

Эволюция американской концепции ядерного сдерживания показывает, что на ее природу серьезно повлияли конкретно-исторические условия того времени. В условиях биполярной конфронтации США и СССР теоретики ядерного сдерживания выработали основные компоненты этой политики. Большинство из них сложились в конце 1950-х годов и в дальнейшем остаются практически неизменными.

Максимальная степень эскалации конфликта

Основным компонентом теории сдерживания стал вопрос о степени эскалации вероятного конфликта. Теоретики сдерживания исходили из того, что обе сверхдержавы были готовы бороться до конца, рассматривая конфликт как столкновение, в котором на кону окажется будущее мира. Вооруженные силы, предназначенные для нанесения быстрого, внезапного или упреждающего удара, должны были находиться в постоянной боевой готовности.

Во времена холодной войны практиковалось по большей части «оперативное» сдерживание. Постоянно работали системы оповещения, вооруженные силы находились в состоянии повышенной боевой готовности, тщательно просчитывались возможности противника нанести упреждающий удар. Например, в начале 1960-х годов в США была разработана концепция боевых дежурств бомбардировщиков (регулярные 24-часовые дежурства стратегической авиации, оснащенной ядерными боезарядами). По словам одного из создателей этой концепции, главнокомандующего ВВС США генерала Т. Пауэра, такая система нужна была для того, чтобы убедить советское руководство в том, что ему не удастся безнаказанно напасть на США [36].

Вероятность возникновения вооруженного конфликта неразрывно связана с так называемым окном возможностей, которое появляется в результате некорректного использования доктрины сдерживания. Теория и стратегия функционировали исходя из того, что каждая сторона конфликта допускала ситуацию, когда оппонент проявит агрессию, как только представится возможность [37]. Именно поэтому в рамках классической теории сдерживания (до конца 1970-х годов) мало внимания уделялось поиску рационального решения, т. е. возможности мирного урегулирования конфликта.

Сдерживание предполагалось использовать, когда все другие средства будут исчерпаны. С одной стороны, подобный подход уместен. Теория сдерживания не была единственным средством обеспечения безопасности при любых обстоятельствах. Она всего лишь объясняла закономерности, с помощью которых сдерживание обеспечивало безопасность при крайне неблагоприятных и непредсказуемых обстоятельствах. С другой стороны, в теории практически не уделялось внимания возможному влиянию сдерживания на другие способы конфликтного урегулирования. В вопросах обеспечения национальной безопасности приверженцы сдерживания стремились продемонстрировать негативную сторону подобного взаимодействия (альтернативные подходы к обеспечению безопасности искажают эффект от использования сдерживания). Это было связано с переходом от тактики к стратегии в системе ядерного сдерживания.

Тактика сдерживания не подходила для обеспечения национальной безопасности (в том смысле, как это понималось в США), являясь одной из многих составляющих политических процессов, которая могла быть или не быть успешной, но никогда не оставалась единственным ресурсом. Доведенное до уровня стратегии сдерживание могло само по себе обеспечивать безопасность (например, во времена холодной войны, когда сдерживание использовалось не только в крайних случаях, но на постоянной основе). Вероятность возникновения в любой момент масштабного конфликта между СССР и США учитывалась при построении и дальнейшем развитии теории. Это позволило исследователям значительно упростить расчеты недопустимых потерь (при принятии решения противником будут иметь значение только соображения возможных материальных и иных затрат).

Такой подход упростил схему приоритетов сдерживающей стороны — сдерживание было главной целью, от него зависело все остальное. Однако абсолютизация этой идеи вызвала немалый скепсис. Отмечалось, что успех сдерживания был обусловлен тем, что от него многого не требовали, а противостояние СССР и США постепенно обрело институциональный характер и стабилизировалось.

Фактор рациональности игроков

Этот фактор, пожалуй, выступает одним из центральных компонентов американской теории сдерживания. Теоретики исходили из того, что элиты СССР рациональны. Такая оценка возникла под влиянием идей школы политического реализма. Она утверждала, что главным игроком международных отношений является рационально действующее национальное государство. Реалисты настаивали на том, что сама среда международных отношений создавала конфликтный потенциал, вынуждая государства быть готовыми применить силу.

Основатель школы политического реализма Г.Моргентау в 1960-х годах признал роль ЯО в международных отношениях [38]. Он отошел от привычного постулата о том, что военная сила является центральным элементом взаимоотношений игроков. ЯО привело к обесцениванию насилия как фактора международных отношений. Г.Моргентау сформулировал четыре парадокса в стратегии ядерных государств.

1. Наряду с желанием правительств применить ЯО существуют и серьезные опасения по поводу возможных последствий его применения.
2. Государства ищут способы вести ядерную войну без значительных последствий для них самих. Всегда существует риск недооценить противника, его намерения, а также своими действиями развязать полномасштабную войну.
3. Государства декларируют снижение ядерных потенциалов, не прекращая при этом гонки вооружений. Это провоцирует опасность нанесения контрсилового удара.
4. С появлением ЯО происходит трансформация отношений внутри традиционных союзов. Г.Моргентау отмечает неравномерность в отношениях между государствами, обладающими ЯО, и государствами без него внутри союза. Распространение же ЯО может привести к неблагоприятным последствиям.

Теория сдерживания не была тождественна политическому реализму. Она допускала, что:

- государства можно неопределенно долго сдерживать от перехода к состоянию войны;
- враждебные государства могут сотрудничать в вопросах контроля над вооружениями и даже действовать согласованно для поддержания безопасности в случае возникновения кризисной ситуации.

Понятие «нерациональность» в рамках концепции ядерного сдерживания и связанной с ней теорией игр всегда имело негативное значение. Наличие ЯО породило у американской элиты страхи, что нерациональные действия способны привести к катастрофическим последствиям. Теория и практика сдерживания в этом случае рассматривались как понятия рациональные. Поэтому они действуют только в ситуации, когда противник не стремится к войне и не воспринимает ее как лучшую альтернативу угрозам.

Новый ракурс этой проблеме могут придать только зарождающиеся исследования о мистическом компоненте в идеологии германского нацизма или мировоззрении японских самураев. В них высказываются две важные для теории ядерного сдерживания идеи.

Во-первых, на игроков с нерациональной идеологией невозможно воздействовать рационально. Они руководствуются понятным только им самим «кодексом чести», в соответствии с которым любой дипломатическое предупреждение воспринимается как «оскорбление» и требует немедленного силового ответа, даже если он приведет к собственной гибели (отсутствие страха перед смертью видится в данном случае как необходимый элемент «рыцарского поведения»).

Во-вторых, мотивы действия подобных игроков могут быть непонятны рационально мыслящим игрокам. Показательны в этом отношении продолжающиеся до

настоящего времени дискуссии о причинах политики геноцида, проводимой Германией и Японией в годы Второй мировой войны. Исследователи до сих спорят о том, по каким критериям те или иные народы выбирались немецкими и японскими лидерами как объекты геноцида. Будут ли воспринимать элиты с такой идеологией ЯО как средство сдерживания, остается дискуссионным

Во время кризиса государство может предпринять действия, не свойственные рациональному игроку, как, например, решение А. Гитлера продолжать тотальную войну до конца даже в ситуации стратегической безнадежности 1944–1945 гг. Отсюда страхи американской элиты 1960-х годов перед наличием ЯО у Китая. Поэтому политика ядерного сдерживания была невозможна без изучения национальных и культурных факторов: особенностей менталитета оппонента, которые могут повлиять на восприятие им окружающей реальности и, соответственно, на его реакцию и возможные поступки.

Принцип соразмерности угрозы

Основная цель политики сдерживания была изначально заявлена как предотвращение военного столкновения путем манипуляций сознанием противника. Страх перед последствиями ответного удара позволял всячески манипулировать противником. Технически концепция сдерживания угрозой стала возможна во многом благодаря появлению ракетно-ядерного оружия, которое гарантировало значительные потери противника. Государство, подвергшееся нападению, вне зависимости от его способности вести военные действия, имело возможность причинить значительный ущерб противнику именно с помощью ракетно-ядерного оружия.

Таким образом, в рамках американской политики произошло разделение понятий «сдерживание» (deterrence) и «оборона» (defence). Они пересекались на практике, поскольку различные игроки могли практиковать сдерживание путем активной обороны или путем обороны и наступления. Но также существовала возможность сдерживания только путем угрозы «наказания» противника, что стало основой сдерживания в ядерный век. Главной целью администрации являлось недопущение ситуации, в которой пришлось бы обороняться.

Вместе с тем еще в середине 1970-х годов американскими учеными был представлен основной парадокс сдерживания: повышение реалистичности сдерживания увеличивает риск начала войны. Ядерная угроза будет эффективна при наличии многовариативных схем применения ЯО. Но более гибкие сценарии использования ЯО таят в себе большую опасность развязывания конфликта, ибо они гораздо реалистичнее нанесения стратегических ядерных ударов. В этом смысле попытки сделать угрозу более реалистичной требуют разработки все более гибких схем применения ЯО, которые при определенных условиях будет легче опробовать в действии.

Принцип реалистичности угрозы

Реалистичность декларируемой угрозы — один из ключевых тезисов в рамках теории и практики сдерживания. Реалистичность — это способность субъекта вызывать доверие других акторов по отношению к себе и своим намерениям. Теоретики ядерного сдерживания в конце концов пришли к выводу, что не способность

того или иного государства причинить определенный вред позволяла активизировать механизм сдерживания, но вера других в то, что такая способность существовала. То есть сдерживала оппонента не сама угроза, а тот факт, что он в нее верил.

В теории сдерживания существует многогранная проблема реалистичности декларируемых угроз, которая широко рассматривалась в рамках теории игр. В связи с этим Р.Смоук [24] приводит следующий пример. Государство А склонно применять меры военного характера в случае агрессии против него. Иначе обстоит дело в случае нападения третьей стороны, например на союзническое государство В. Несмотря на тесные связи государств А и В, вероятность вмешательства в конфликт государства А крайне низка: слишком высоки были риски, да и само государство А не было непосредственно атаковано. Соответственно, угроза ответных действий при таком сценарии не являлась реалистичной. По мнению Неймана, история знает примеры, когда сомнения в реалистичности основывались на опасениях, что оппонент был довольно примитивен и иррационален в своих оценках целей и намерений противника (как, например, думали об СССР в администрации Г. Трумэна во времена Корейской войны 1950–1953 гг.).

Для того чтобы намерения воспринимались реалистично, государствам было необходимо иметь возможность причинить противнику неприемлемый ущерб, обладать соответствующими силами и средствами, а также внушать противнику готовность осуществить задуманное. Ядерное оружие было исключительно мощным, способным причинить огромный ущерб, оно также тщательно охранялось, обладало высокой степенью мобильности и находилось в состоянии повышенной боевой готовности. Чтобы намерения казались реалистичными, противник должен был знать о наличии подобных вооружений у оппонента. Государства сами определяли объем информации, подлежащей разглашению. Согласно логике ядерного сдерживания, в целях убеждения противника в реалистичности декларируемых угроз предоставление информации, тем более о военных возможностях, играло на руку государствам. В дальнейшем вопрос предоставления информации и ее объема отпал сам собой в связи с активным развитием разведывательных институтов.

Реалистичность угроз также предполагала серьезное отношение лидеров соответствующих государств к собственным намерениям. Сдерживание могло потерпеть крах, если не было четкого представления о намерениях другой стороны, а также о том, какие действия со стороны противника следует считать недопустимыми. Но оппонент знал о том, что угроза будет претворена в жизнь во что бы то ни стало. Четкая формулировка целей и демонстрация готовности к решительным действиям были гораздо более затруднительны, нежели декларирование своих возможностей и намерений (правительства СССР и США, как правило, вводили оппонентов в заблуждение относительно своих целей; ответственные лица могли вдруг передумать в самый неподходящий момент или не сознавать, что будет нерационально претворять обещанное в жизнь).

Любая из этих проблем была способна поставить под угрозу успешность политики сдерживания. Поэтому появилась необходимость предавать огласке свои цели и намерения и, возможно, даже проводить некие военные маневры в качестве подтверждения своих слов. Однако это не означало, что сторона, вступающая в конфликт с использованием конвенциональных вооружений и отстаивающая

свои цели и намерения, сделает то же самое, когда речь пойдет о применении ядерного оружия.

Лучшим способом убедить окружающих в реалистичности намерений оказалась демонстрация рациональности возможных ответных действий со стороны США. Администрация Дж. Кеннеди пришла к выводу, что чем большим набором различных способов отражения атаки обладает сторона, тем более реалистичны ее угрозы. Логика Р. Макнамары (под влиянием Г. Кана) заключалась в том, что ни одна из сторон не захочет развязывать тотальную ядерную войну и не поверит в наличие такого желания у оппонента. Лучше эффективно действовать на различных ступенях конфликта. В этом случае появляется возможность не настолько разрушительного, но не менее эффективного ответа. На каждом уровне конфликта сдерживающая сторона должна искать военно-техническое превосходство над противником, удерживая его от дальнейшей эскалации конфликта.

Период холодной войны стал временем эволюции американской концепции оборонительного сдерживания. Она прошла длительный путь развития — от концепции удержания СССР в определенных территориальных сферах влияния до сдерживания посредством угрозы нанесения различной комбинации ядерных ударов по избирательным объектам на территории противника. Именно в это время сформировались основные компоненты теории «узкого» и «расширенного» сдерживания. Их появление и развитие соответствовали логике развития советско-американских отношений в указанный период. Они во многом до настоящего времени выступают декларируемой основой американского ядерного сдерживания.

Вместе с тем именно в период холодной войны стали понятны уязвимые моменты теории сдерживания. Ее основой выступал тезис Дж. Кеннана о нежелании советского руководства начинать новую войну и его восприимчивости к логике силы. Но если так, то само сдерживание превращалось в своеобразную иллюзию. (По логике: «Зачем сдерживать субъекта, который и так не желает большой войны?») «Оборонительное сдерживание» могло действовать до тех пор, пока противник был готов поверить в готовность другой стороны применить ЯО. В противном случае возникал вопрос о наличии у США адекватных угроз для оппонента. Проработка этого варианта и привела к кризису теории сдерживания середины 1980-х годов, что породило последующий переход от концепций сдерживания к принуждению.

Американская теория ядерного сдерживания времен холодной войны так и не смогла ответить на два принципиальных вопроса. Первый: действительно ли именно наличие ЯО предотвратило прямой военный конфликт между сверхдержавами? (Для сравнения: наличие химического оружия никак не предотвратило начала Второй мировой войны, а периоды «долгого мира» существовали между великими державами и в доядерную эпоху.) Второй: можно ли рассматривать ЯО как полноценное оружие, коль скоро до настоящего времени мы, собственно, никогда не видели его применения в действии? Напротив, опыт Хиросмы, Нагасаки, учений в Неваде и на Тоцком полигоне доказывает, что ограниченное применения ЯО вполне воз-

можно. Все концепции о последствиях его применения пока остаются гипотезой, «игрой ума», а не реальными расчетами с опорой на практический опыт.

Важнее другое. Американские концепции ядерного сдерживания сложились в период особого распределения военной мощи. У СССР и США был дефицит технических причин для ведения прямой войны друг против друга. Сам по себе обмен ядерными ударами не решает исход войны. Поражение ключевых административных и промышленных центров, военной инфраструктуры и пусковых установок должно дополняться переброской сухопутных войск на вражескую территорию, чтобы солдат-победитель установил там желанный порядок. Но ни СССР, ни США не могли сделать этого ввиду: 1) предельной географической удаленности друг от друга; 2) сложного рельефа для ведения военных действий; 3) отсутствия технических средств для быстрой переброски миллионных армий через океаны. У обеих сверхдержав не было сценария капитализации обмена ядерными ударами в политическую победу. Технически эта задача остается неразрешимой до сих пор. Поэтому и современные концепции ядерного сдерживания пока выступают повторением идей периода холодной войны.

Литература

1. Арбатов А. Г. Оборонная и достаточная безопасность. М.: Знание, 1990. 63 с.
2. Кокошин А. А. Ядерные конфликты в XXI веке (типы, формы, возможные участники). М.: Медиа-Пресс, 2003. 144 с.
3. McGwire M. Perestroika and Soviet National Security. Washington: Brookings Institution Press, 1991. 481 p.
4. The Oxford English Dictionary. URL: <http://www.oxforddictionaries.com/definition/english/coerce> (дата обращения: 12.11.2019).
5. Snidal D. The Game Theory of International Politics // World Politics. 1985. Vol. 38, no. 1 (Oct.). P. 25–57.
6. Rosenberg D. The Origins of Overkill: Nuclear Weapons and American Strategy, 1945–1960 // International Security. 1983. Vol. 7, no. 4. P. 3–71.
7. Borden W. There Will Be No Time: the Revolution in Strategy. New York: The Macmillan Company, 1946. 225 p.
8. Шлезингер А. Циклы американской истории. М.: Издательская группа Прогресс-Академия, 1992. 692 с.
9. Трофименко Г. А. США: политика, война, идеология. М.: Мысль, 1976. 359 с.
10. The Long Telegram by George F. Kennan. URL: http://en.wikisource.org/wiki/The_Long_Telegram (дата обращения: 12.11.2019).
11. Kahn H. On Escalation: Metaphors and Scenarios. New York: Praeger, 1965. xvii, 308 p.
12. Главный противник: Документы американской внешней политики и стратегии 1945–1950 гг. / пер с англ.; сост. и авт. вступ. ст. И. М. Ильинский. М.: Изд-во Московского гуманитарного ун-та, 2006. 501 с.
13. Dulles J. F. A policy of boldness // Life. 1952. Vol. 32, no. 20. P. 146–157.
14. Rhodes R. The Making of the Atomic Bomb. Simon & Schuster Paperbacks, 1986. 886 p.
15. The Absolute Weapon: Atomic Power and World Order / ed. by B. Brodie (editor and contributor). Harcourt, 1946. 214 p.
16. Memorandum for Major General L. R. Groves. Subject: Atomic Bomb Production. 15 September 1945. URL: <http://blog.nuclearsecrecy.com/wp-content/uploads/2012/05/1945-Atomic-Bomb-Production.pdf> (дата обращения: 12.11.2019).
17. Wohlstetter A. The Delicate Balance of Terror // Foreign Affairs. 1959. Vol. 37, N 2. P. 211–234.
18. Дегтярев Д. Зарубежные работы по теории игр // Международные процессы. 2009. Т. 7, № 2 (20). С. 58–72.
19. Bellman R., Blackwell D., LaSalle J. Application of Theory of Games to Identification of Friend and Foe. Rand Corporation, 1949. 16 p.

20. *Holloway D.* Stalin and the Bomb. The Soviet Union and Atomic Energy. 1939–1956. New Haven; London: Yale University Press, 1994. 464 p.
21. Report to the National Security Council by the Executive Secretary on the National Security Policy. 20 October 1953. URL: <http://www.fas.org/irp/offdocs/nscst/nsc-162-2.pdf> (дата обращения: 12.11.2019).
22. *Трухановский В. Г.* Английское ядерное оружие (историко-политический аспект). М.: Международные отношения, 1985. 228 с.
23. *Kahn H.* On Thermonuclear War. Princeton: Princeton University Press, 1961. 651 p.
24. *George A., Smoke R.* Deterrence in American Foreign Policy: Theory and Practice. New York: Columbia University Press, 1974. 666 p.
25. *Kissinger H.* Nuclear Weapons in Foreign Policy. New York: Harper far Council on Foreign Relations, 1957. 455 p.
26. *Osgood R.* Limited War: The Challenge to American Strategy. Chicago: University of Chicago Press, 1957. 315 p.
27. *Фененко А. В.* Современная международная безопасность: ядерный фактор. М.: Аспект-пресс, 2013. 573 с.
28. *Powell R.* Nuclear Deterrence Theory: The Search for Credibility. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. viii, 230 p.
29. National Security Decision Memorandum. No. 242. 17 January 1974. Federation of American Scientist. URL: http://www.fas.org/irp/offdocs/nsdmnixon/nsdm_242.pdf (дата обращения: 12.11.2019).
30. Presidential Directive No 59. 25 July 1980 Federation of American Scientist. URL: <http://www.fas.org/irp/offdocs/pd/pd59.pdf> (дата обращения: 12.11.2019).
31. *Morgan P.* Deterrence Now. New York: Cambridge University Press, 2003. 358 p.
32. *Clark I.* Limited Nuclear War. Political Theory and War Convention. Oxford: Martin Robinson, 1982. 266 p.
33. *Jervis R.* The Illogic of American Nuclear Strategy. Ithaca: Cornell University Press, 1984. 203 p.
34. *Morgan P.* Deterrence. A Conceptual Analysis. Beverly Hills: Sage, 1983. 239 p.
35. *Веселов В. А., Лисс А. В.* Ядерное сдерживание. М.: Макс Пресс, 2005. 246 с.
36. *Фененко А. В.* Современные концепции ядерного сдерживания // Международные процессы. 2012. Т. 10, № 2(29). С. 69–88.
37. *Lebow R., Stein J.* Deterrence: the elusive dependent variable // World politics. Vol. 42, no. 3. P. 336–369.
38. *Morgenthau H.* The four paradoxes of nuclear strategy // The American political science review. 1964. Vol. 58, no. 1. P. 23–35.

Статья поступила в редакцию 22 ноября 2019 г.
Статья рекомендована в печать 16 декабря 2019 г.

Информация об авторе:

Фененко Алексей Валериевич — д-р полит. наук, доц.; afenenko@gmail.com

Evolution of the nuclear deterrence theory in the US during the Cold War

A. V. Fenenko

Lomonosov Moscow State University,
1, Leninskie gori, Moscow, 119991, Russian Federation

For citation: Fenenko A. V. Evolution of the nuclear deterrence theory in the US during the Cold War. *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*, 2020, vol. 13, issue 1, pp. 111–135. <https://doi.org/10.21638/spbu06.2020.108> (In Russian)

The article examines the formation of the conceptual basis of the nuclear deterrence/containment policy. The author examines the evolution of US nuclear strategy during the Cold War period (1946–1989). American experts of nuclear deterrence theory agreed that the threat to the enemy must be realistic. The opponent must be restrained not only by the

threat itself, but also by the fact that he believes in it. This was the basis of the evolution of US nuclear doctrines. The author sets out to prove three main points. First, the concept of nuclear deterrence/containment is a brainchild of the US nuclear strategy. (Other nuclear states have borrowed some particular elements of the US nuclear strategy and attempt to adapt them to their strategic policies). Second, the basis of the nuclear deterrence/containment concept was developed and tested in the USA in the latter half of the 20th century. Third, the ideas adopted during the Cold War period still determine the US nuclear strategy development, which enables us to predict its main trends. The author, also, demonstrates that, despite its aggressive stance, the US nuclear containment concept was mainly defensive. By the late 1980s, it was clear that the nuclear containment concept was undergoing a certain crisis, thus giving rise to the development of the concept of nuclear deterrence.

Keywords: nuclear weapons, nuclear deterrence, missile defense, USA, USSR, cold war, air power, strategic parity, war.

References

1. Arbatov, A. G. (1990), *Defense and sufficient security*, Znanie Publ., Moscow, 63 p. (In Russian)
2. Kokoshin, A. A. (2003), Nuclear conflicts in the 21st century (types, forms, possible participants), Media-Press Publ., Moscow, 144 p. (In Russian)
3. McGwire, M. (1991), *Perestroika and Soviet National Security*, Brookings Institution Press, Washington, 481 p.
4. *The Oxford English Dictionary*, available at: <http://www.oxforddictionaries.com/definition/english/coerce> (accessed: 12.11.2019).
5. Snidal, D. (1985), The Game Theory of International Politics, *World Politics*, vol. 38, no. 1, pp. 25–57.
6. Rosenberg, D. (1983), The Origins of Overkill: Nuclear Weapons and American Strategy, 1945–1960, *International Security*, vol. 7, no. 4, pp. 3–71.
7. Borden, W. (1946), *There Will Be No Time: the Revolution in Strategy*, The Macmillan Company, New York, 224 p.
8. Shlezinger, A. (1992), *American History Cycles*, Progress-Akademiia, Moscow, 692 p. (In Russian)
9. Trofimenko, G. A. (1976), *USA: politics, war, ideology*, Mysl Publ., Moscow, 359 p (In Russian)
10. *The Long Telegram by George F. Kennan*, available at: http://en.wikisource.org/wiki/The_Long_Telegram (accessed: 12.11.2019).
11. Kahn, H. (1965), *On Escalation: Metaphors and Scenarios*, Praeger, New York, xvii, 308 p.
12. *The main opponent. US Foreign Policy and Strategy Papers 1945–1950* (2006), trans. from English, ed. by Ilinskij, I. M., Moskovskogo gumanitarnogo universiteta Publ., Moscow, 501 p (In Russian)
13. Dulles, J. F. (1952), A policy of boldness, *LIFE*, vol. 32, no. 20, pp. 146–157.
14. Rhodes, R. (1986), *The Making of the Atomic Bomb*, Simon & Schuster Paperbacks, 886 p.
15. *The Absolute Weapon: Atomic Power and World Order* (1946), ed. by Brodie, B. (ed. and contributor), Harcourt, 214 p.
16. *Memorandum for Major General L. R. Groves. Subject: Atomic Bomb Production* (1945) September 15, available at: <http://blog.nuclearsecrecy.com/wp-content/uploads/2012/05/1945-Atomic-Bomb-Production.pdf> (accessed: 12.11.2019).
17. Wohlstetter, A. (1959), The Delicate Balance of Terror, *Foreign Affairs*, vol. 37, no. 2, pp. 211–234.
18. Degtyarev, D. (2009), Foreign work on game theory, *Mezhdunarodnye protsessy*, vol. 7, no. 2 (20), pp. 58–72. (In Russian)
19. Bellman, R., Blackwell, D. and LaSalle, J. (1949), *Application of Theory of Games to Identification of Friend and Foe*. Rand Corporation, 16 p.
20. Holloway, D. (1994), *Stalin and the Bomb. The Soviet Union and Atomic Energy. 1939–1956*, Yale University Press, New Haven, London, 464 p.
21. Report to the National Security Council by the Executive Secretary on the National Security Policy (1953), October 20, available at: <http://www.fas.org/irp/offdocs/nschst/nsc-162-2.pdf> (accessed: 12.11.2019).
22. Trukhanovskiy, V. G. (1985), *English nuclear weapons (historical and political aspect)*, Mezhdunarodnye otnosheniia Publ., Moscow, 228 p. (In Russian)
23. Kahn, H. (1961), *On Thermonuclear War*, Princeton University Press, Princeton, 651 p.
24. George, A. and Smoke, R. (1974), *Deterrence in American Foreign Policy: Theory and Practice*, Columbia University Press, New York, 666 p.

25. Kissinger, H. (1957), *Nuclear Weapons in Foreign Policy*, Harper far Council on Foreign Relations, New York, 455 p.
26. Osgood, R. (1957), *Limited War: The Challenge to American Strategy*, University of Chicago Press, Chicago, 315 p.
27. Fenenko, A. V. (2013), *Contemporary international security: the nuclear factor*, Aspekt-press Publ., Moscow, 573 p (In Russian)
28. Powell, R. (1990), *Nuclear Deterrence Theory: The Search for Credibility*, Cambridge University Press, Cambridge, viii, 230 p.
29. National Security Decision Memorandum. No 242. 17 January 1974, *Federation of American Scientist*, available at: http://www.fas.org/irp/offdocs/nsdmnixon/nsdm_242.pdf (accessed: 12.11.2019).
30. *Presidential Directive No 59. 25 July 1980 Federation of American Scientist*, available at: <http://www.fas.org/irp/offdocs/pd/pd59.pdf> (accessed: 12.11.2019).
31. Morgan, P. (2003), *Deterrence Now*, Cambridge University Press, New York, 358 p.
32. Clark, I. (1982), *Limited Nuclear War. Political Theory and War Convention*, Martin Robinson, Oxford, 266 p.
33. Jervis, R. (1989), *The Illogic of American Nuclear Strategy*, Cornell University Press, Ithaca, 203 p.
34. Morgan, P. (1983), *Deterrence. A Conceptual Analysis*, Sage, Beverly Hills, 239 p.
35. Veselov, V. A. and Liss, A. V. (2005), *Nuclear deterrence*, Maks Press Publ., Moscow, 246 p (In Russian)
36. Fenenko, A. V. (2012), Modern concepts of nuclear deterrence, *Mezhdunarodnye protsessy*, vol. 10, no. 2 (29), pp. 69–88. (In Russian)
37. Lebow, R., Stein, J. Deterrence: the elusive dependent variable, *World politics*, vol. 42, no. 3, pp. 336–369.
38. Morgenthau, H. (1964), The four paradoxes of nuclear strategy, *The American political science review*, vol. 58, no. 1.

Received: November 22, 2019

Accepted: December 16, 2019

Author's information:

Alexey V. Fenenko — Doctor of Political Science, Associate Professor; afenenko@gmail.com